

"Н Е С О Т В О Р И С Е Б Е К У М И Р А"

/аналитический очерк одной семьи/.

"Все счастливые семьи похожи друг на друга, все несчастные- несчастливы по-своему." Этот афоризм давно уже стал расхожим местом. И тем не менее глубина этих простых слов необычайна. В глубинах каждой несчастной семьи лежит некий скрытый от глаз иррациональный остаток- корень семейных отношений, их тайная пружина, причина их особности. Эти корни составляют мистерию семьи, и соответственно, обуславливают ее трагедию.

Ничто на свете не может претендовать на проникновение за последние занавеси. Лишь психоанализ дает возможность хотя бы слегка проникнуть в тайны несчастных семей.

I.

И вот семья. Обычная, даже может быть стандартная. Ничем на поверхности своей не отличающаяся от тысяч других таких же.

Нормальный по общим стандартам жизненный уровень. Хорошая квартира, приличная зарплата, полированная мебель. Телевизор, холодильник, библиотека. На лицах- часто улыбки, но как будто несколько вымученные.

Присмотримся внимательней. Да, несомненно, и в этой семье- червоточина. Тщательно скрываемая, но растущая медленно и верно. Имманентная трагедия разворачивается скрытно, мистериально. Души ее невольных участников напряжены до предела. Все. однако, подпольно, конфиденциально. Лишь иногда

в невротических срывах и неконтролируемых реакциях тайное становится явным. Ритмическое течение семейной жизни вдруг прерывается спазмой хаоса. Разрешается каденцией ужаса и предчувствиями близкой катастрофы.

Отец, мать, сын. Здесь же, конечно, "фатально" неустрашимая и одиозная по нынешним временам фигура тещи.

Вот и вся семья. Мальчику лет 10-12. Чудесный возраст, чудесный мальчик. Красивенький, как херувимчик, живой, развитый. Подавший надежды.

Голубые глаза и вьющиеся русые волосы. Стойкие длинные ножки. Тоненький, высоконький. Он рисует, играет на скрипке. Много читает, пишет даже сам. Детские детективные и приключенческие повестушки.

Все очень мило, приятно. И не переходит в сусальность, все в меру. Живой темперамент, веселый ровный характер. Никакой избалованности, капризности. Несколько, правда, изнежен, шаловлив, но опять же в меру.

И все же, глядя на него, испытываешь какое-то смутное беспокойство, — вроде мимолетной тени, еле заметного дуновения ветерка. Но оно постепенно разрастается, крепнет. И вот уже превращается в отчетливое ощущение грядущей катастрофы, неминуемой беды. И почти уже не сомневаешься, что именно вокруг этого очаровательного и невинного существа стягивается узел событий, разворачивается вся драма семьи. Тяжелая драма человеческих отношений. Спутанных, темных.

Отец и мать корректно благоденствуют. Это, может быть, и не блестательно, но вполне преуспевающие люди. "С высшим образованием", как сейчас говорят. Цветущих средних лет. Оба работают.

Теща, как водится, - пенсионерка.

Мужчина в доме! Очень, очень большую психологическую нагрузку несут в реальной семейной жизни эти отвлеченные с виду слова. Отец и муж, покровитель и защита, хозяин и кормилец. Воплощенная справедливость, доброта, сила, ум. Но может быть все и с обратным знаком. И тогда - "примак", злодей, изверг, пьяница, развратник, ничтожество, раб!

Наш герой высок ростом, розовощек, благообразен. Даже где-то респектабелен. Всегда несколько небрежно, но вполне хорошо одет. Держится с налетом некоторого высокомерия. Впрочем, весьма ненавязчиво, мягко, даже как-то наивно. Простодушное высокомерие - вот основная манера поведения.

В облике - какая-то странная смесь расслабленности и жизнелюбия, отчужденности и всеприятия. Чувственные упрямые, даже капризные губы. Глаза, как бы обращенные внутрь, скрывающие взгляд.

Прилично служит, хорошо зарабатывает. Образован блестяще, развит всесторонне. Все понимает, схватывает на лету. Талантлив. Поговаривают, что пьет - и даже очень. Но это слухи, и совершенно непроверенные. Пьяным его, во всяком случае, не видели.

В семейной обстановке положителен. С женой обращается подчеркнуто внимательно. Иногда при людях называет - "жизнь моя". С сыном сдержан, умен, благороден. В меру строг. С тещей корректен, холодно вынослив. Впрочем, почти никаких отношений. Соответственно, никаких конфликтов.

Ну, а жена? О, это очаровательное создание. Бальзаковский возраст. Великолепные каштановые волосы, голубые глаза феи, аккуратная фигурка. Точеный носик и маленький изящный рот. Мила, очень мила, ничего не скажешь! Но главное,

конечно, — голос, интонация речи. Это сплошная вкрадчивость, нега и томность, покрывало Майи, восточная страсть. Деспотичная и отрешенная одновременно. В этом голосе — душа женщины бесчувственной, но страстной и страждущей, ревниво скрывающей бездонную тайну вечной женственности.

И вдруг — диссонанс. Сквозь дурман глубокой страстности прорывается нервический спазм. Раздраженность, злоба, даже ненависть. На секунду преображается в фурию, выпускает когти дьявола, замахивается косою смерти. Но это только на мгновение. И вот опять все успокаивается, точно и не налетал этот вихрь. Глаза — опять спокойные, ласковые. Только у губ остается еле заметная складка. Безобразная, жестокая. Но и она быстро растягивается, исчезает.

В этот краткий опустошающий миг торжества злобы и забвения интересно понаблюдать за мужем. Он вдруг становится похожим на большую взъерошенную птицу, которую преследуют. Напрасно он пытается спрятать свою растерянность и беспомощность. Тревога, отчаяние появляются во всем его облике. От самоуверенности не остается и следа. Он жалок.

Но, к счастью, пароксизм жены мимолетен, краткотечен. И вот снова выпячивается грудь, выгибается шея. Снова засияли потухшие было глаза, снова полилась речь. Уверенная, солидная, непререкаемо авторитетная.

Авторитет мужчины в доме восстановлен.

Таков беглый контур этой семьи. Ее внешний рисунок. И в этом рисунке — линии, нарушающие симметрию, ставящие в тупик стороннего наблюдателя.

Напрасно искать их разгадку в самом абрисе. Надобно заглянуть поглубже. И лишь в тонком — "вертикальном" — срезе семейной ткани можно надеяться отыскать определяющий слой.

Надеяться при этом на холодный нож чисто рационального анализа?.. Магия рационализма должна быть здесь отброшена. Лишь сердечный жар, любовь открывают тайны. Сострадание-единственный органон диалога. Сокровенного диалога сокрытых душ.

2.

К.- номинальный глава семьи, муж и отец- не был эгоистом. В нем всегда скрывалась какая-то тайна. Она пряталась во всем его облике, особенно в глазах, всегда как бы повернутых внутрь, тщательно скрывающих что-то. Он, повторяю, не был эгоистом. Но он был- э г о ц е н т р и к о м. Он стал им какими-то неведомыми мне путями, волей каких-то психологических комплексов, заложенных с детства. Видимо, еще в родительском доме.

Я прозревал его детство слишком скрупо и фрагментарно, из его отрывочных беглых замечаний, реплик, реминисценций. В них всегда сквозила неприязнь, граничащая с ненавистью и злобой. Чувствовалось, что он очень обижен, обвиняет кого-то, сетует на свое загаженное детство. По некоторым намекам я понял, что виновниками он считает мать и сестру. Прокальзывали мотивы инцеста, материнского садизма. Но все очень неясно, туманно, приглушенno. Можно было лишь догадываться, что эгоцентризм в нем развился как реакция прежде всего на деспотизм матери, подавлявший его личность.

Трагедия заключалась в том, что мать не любила отца. И всю свою неудовлетворенность семейной жизнью выместила на сыне. Сын- как фаллический символ нелюбимого мужчины и мужа- пал жертвой сексуальной неудовлетворенности своей матери. Он откровенно был отдан судьбой ей на заклание. И

испытал в итоге все последствия злобы, вызванной неудовлетворенной чувственностью.

Но это было далеко не все. Материнский диктат усугублялся насильственно навязанным - только с другой стороны - инцестом. В этом кошмарном факте сказалась демоническое влияние сестры, сумевшей пристроить на маленьком брате свою сексуальную извращенность.

Оно и понятно. Мать не любит отца. В этом плане она уже - не соперница дочери. Следовательно, все препятствия к соитию с ним для дочери, страстно его любящей, сняты. Это невероятно развязывает чувственность.

Но отец любит мать. К тому же он мужчина и нравственная личность. Он и не догадывается о любви к нему дочери, принявший сексуальный оттенок. И тем паче не допускает мысли о какой-либо с ней близости. И становится, хотя и бессознательно, непреодолимым барьером для столь же бессознательных и обращенных на него сексуальных влечений дочери.

Однако, чувственность от таких "преград" еще более разыгрывается. Ведь преграды-то собственно и нет. Настоящей преградой была мать, а она самоустранилась. Она не любит отца и не претендует на него. И все же отец - как объект непосредственного чувственно-сексуального удовлетворения - недостижим как и ранее. И даже больше. Ибо снят флер материнской любви, отец совсем уже рядом и... бесконечно далек. Он оказался табуален уже не через мать, а в себе самом. Страсть ищет и находит объект, эрзац того, который недостижим, но неистово желаем.

Он страшно близок отцу по крови, по судьбе, в конце концов, по внешности. За него даже серьезно и бороться не

надо, кроме себя самой. И это- родной брат, сын общего отца.

Он еще маленький, не может оказать ни физического, ни тем более нравственного сопротивления. А собственное сопротивление уже сломано.

И вот наступает инцест. Сын заступает место отца. Запретное, тайное, но от этого еще более сладостное наслаждение. К тому же страшно опасное. Ибо в случае раскрытия- кара неминуемая и ужасная. Шутка ли, растление малолетнего, брата, сына.

И девочка это понимает. Но удержаться уже не может. Она уже не контролирует себя, она полностью во власти запретного эроса, от страсти и страха, от тоски и нечеловеческого наслаждения.

А что же мальчик, эта бедная и невинная жертва необузданных страстей своих домочадцев?

О, это действительно жертва! Он плачет, он заливается слезами и рвется прочь,- и в преступных объятиях сестры и под жестокими побоями матери.

Неумеренные ласки матери сменяются столь же неумеренными наказаниями. Ярчайший убийственный свет истеричной любви и столь же убийственная бездонная тьма стихийной ярости. И никаких полутонов, никаких светотеней, никаких переходов.

Так и живет в этой разрушающей все полярности мальчик. И еще вдобавок его неокрепшую душу, его слабенькую плоть время от времени- и довольно часто- пронизывает сладкий и отравляющий, тонко и постоянно разрушающий яд. Растравляющий яд кровосмесительных ласк его сестры; сексуальной близости ее тела. Ее инцестуозных, не знающих уже никаких

преград, влечений.

Но самое страшное, что сам ребенок постепенно втягивается во все это. И замолкает не успевший еще развиться разум. Он теряет последние нравственные запреты. Совесть, не успев развиться, сникает. Увядает нравственное чувство. И радикально лишь плоть начинает диктовать свои условия.

Страсть к чувственному наслаждению становится доминирующей. К запретному наслаждению - вдвойне. Ибо он знает уже, что такое табу. И что лежит по ту сторону запрета.

Подросток превращается в законченного и необузданного эгоиста. Себялюбие, тщеславие и трусость венчают эту картину.

Но были, видимо, и другие влияния. Например, со стороны отца, друзей или литературные. Они диктовали противоположные, нравственные требования. Они не могли, конечно, полностью устраниить тлетворное влияние семьи. Развитие эгоизма прошло все свои стадии. Оно не знало предела, достигло чуть ли не зоологического уровня. Но как раз на этом этапе, в конце своего пути, эгоизм стал представлять уже непрекрыто смертельную опасность для личности.

Его долженствовало обуздывать, должноствовало поставить преграды. И найти их надо было в себе самом. Нужно было, если не окончательно ликвидировать эгоистические импульсы, то по крайней мере ввести их в разумные пределы. Это и означало необходимость преобразования эгоизма в эгоцентризм.

Эгоцентризм, вообще говоря, является отрицанием эгоизма. Это его крайний предел. Эгоистическая личность стремится поглотить в своем "Я" другие "Я", заменить их собою, т.е. уничтожить. Но доведенный до своего предела эгоизм сам себя уничтожает. Он превращается в эгоцентризм. И с ним восстанавливаются "уничтоженные" было жертвы эгоизма - другие "Я". Эгоцентрист - этот, так сказать, "ограниченный эгоист" - отнюдь

не стремится подменить собою и своим "Я" все и вся. Напротив, он признает самодостаточность и самоценность не только себя, но и других. Но он ставит в мировой иерархии свое "Я" в абсолютный центр. Он, конечно, не хочет, подобно эгоисту, быть "тоталитарным диктатором". Но он стремится стать абсолютно первым среди равных. В этом- его пафос, в этом- компенсация его подавленных комплексов вины. Но в этом же- его неполнопочатность.

Я никогда не брался анализировать детальнее его несчастное детство. Слишком мало материала давало упорное нежелание возвращаться и вспоминать то время.

Ясно было одно: эгоцентризм этого человека, сохранивший некогда его личность от распада, разросся затем до безобразия. Утверждение "Я" стало самоцелью, хроническим неврозом, чуть ли не психозом.

А путей исцеления почти не было. Он пытался было разоединить разить компенсации. Искать их вовне и на более широком поприще. Ибо был человеком действительно незаурядным. Но, увы, здесь он вступил в конфликт с силами, намного превышавшими все его возможности. Он столкнулся с внешними условиями, принципиально непригодными для реализации его истинной духовности.

Во враждебном окружении он тщетно искал и не мог найти себе способа адекватной реализации. И остался в итоге при всех своих детских комплексах.

Он потерпел полное поражение в столкновении с враждебными силами. И, уходя в себя, характер его портился все более и более.

Так он и складывался как личность. Так впервые в его личной судьбе зазвучала тема непризнанной гениальности. Впоследствии

ледствие она разрослась и стала доминирующей.

В таком качестве он и познакомился в молодости со своей будущей женой.

3.

Он выбирал ее во многом сознательно. И выбор этот был обусловлен. И не только и не столько ее внешними и прочими данными, сколько тем простым фактом, что она в него безумно влюбилась. А для эгоцентрика, надо думать, это решающее обстоятельство.

Эгоцентрик всегда- в той или иной мере Дон-Жуан. Вернее, Дон Жуан- это предельный эгоцентрик, эгоцентрик в финале. Он требует от женщины всего. Он максималист. Он финалист. Лишь предельная влюбленность женщины, всепоглощающая, рушащая все преграды страсть может удовлетворить его. Паллиативы исключаются. Оба должны сгореть на жертвеннике любви. Но сгореть, чтобы вновь возродиться. Для любви же. Полностью обновленными . Впрочем, здесь мы уже выходим за границу эгоцентризма, который все-таки разумен. Дон Жуан же- убежденный абсурдист.

/Я согласен с интерпретацией Дон Жуана у А. Камю/.

А чем, как вы думаете, объяснить безумную влюбленность в нашего героя его избранницы? О, это очень просто! Она объясняется одним- ее природной страстью.

Да, это была женщина страстная, гордая, с весьма развитым чувством собственного достоинства. Но беда ее была в том, что страсть в ней безоговорочно доминировала над чувственностью.

Страсть и чувственность- две стороны одного и того же. Взаимоотношение их составляет целую проблему.

Сохраняя значительную долю осторожности и условности

я, тем не менее, беру на себя смелость утверждать, что страсть есть форма чувственности, суть ее бытия. Гармония этих моментов дает личности цельность, самочувствие цельности и равновесия, проявляющиеся вовне как нежность натуры, мягкость поведения, отзывчивость характера. Страсть - этот сублимированный, т.е. прошедший через волю и разум инстинкт, - нуждается в объекте, в чувственном объекте.

Но горе человеку, если объекта нет, или он оказался неадекватен требованиям страсти. Тогда страсть, голая страсть начинает примирять над чувством, подавлять его. Человек делается бесчувственным, ибо чувственность его лишена предметной конкретности, вообще лишена предмета.

Страсть, отказавшаяся от чувственно-конкретного объекта, лишилась собственного содержания, превратилась в голую форму, в маниакальный порыв. Такая страсть абстрактна, жестока, опасна. Она не смягчается теплотой чувства, она опустошена и превращает человека в камень.

Кто не знает, что женщина, не нашедшая или потерявшая объект любви, превращается в бесчувственную "статую"! или бросается в мистику, находя в глубинах мистического чувства сверхчувственный, беспредельный, бестелесный объект. Она становится монахиней. "Любовницей" и суженой Христа.

Или становится революционеркой, фанатично преданной, беспрепятно погибающей или убивающей во имя какой-либо утопической идеи.

И вот - перекрещение двух нитей, двух судеб, двух путей. Путь эгоцентризма и путь страсти. Один, занятый исключительно собой, внушиает окружающим, что он - чуть ли не гений. Другая, раскрытая в своей страстности до предела, ищащая и страдающая, откликается на этот призыв. Ибо, как ей кажется - и

как ей внушили, — лишь она одна в целом мире способна вместить его такое величие. Шутка ли, ведь речь-то идет о гении, да еще о непризнанном!

Образуется союз. Муж и жена. Он, не имеющий исхода, не убежденный в своей гениальности, нашедший, наконец, человека, который безоговорочно это принимает, живет в семье по принципу "все позволено". Вечные капризы, уязвленное по любому поводу себялюбие, бытовая распущенность, паразитизм. И многое, многое другое.

Все это подавляет жену, оскорбляет ее достоинство. Она не отказывается окончательно от тезиса о гениальности мужа, но с изумлением начинает убеждаться, что так называемая "гениальность" может сопровождаться нравственной несостоятельностью. Это ужасно ее смущает. Еще и до того неясные представления о гениальности запутываются окончательно.

К этому добавляется субъективная необходимость любыми путями восстановить попранное чувство собственного достоинства, восстановить собственную личность, подавленную нравственно-психологической тиранией мужа. Да и служебная карьера последнего идет со скрипом. И в итоге социальный престиж, которого ждали, на который рассчитывали, остается все так же недостижим.

Весь этот вновь образовавшийся комплекс переживаний, раздумий, разочарований подтачивает безумную в прошлом влюбленность жены. Муж уже не кажется ей столь безгрешным. Он перестает выступать в роли сказочного принца. Напор страсти, мешавший ранее оценить мужа объективно, исходя, так сказать, из "чувственного опыта", начинает спадать. Ведь как бы не подавляла страсть чувства, но и последние имеют свои права.

И в конце концов о них заявляют.

Так постепенно, высвобождаясь от дурмана страсти, вырисовывается другой образ. Более конкретный, земной, бытийственный. И как же он оказывается непохож на идеальный, на иллюзорно созданный в ослеплении любви!

Это уже не чистый горний образ гения, а довольно уродливое изображение. Грязноватого мужика. Пьяницы, бабника, despota. Оказалось, что страсть, искавшая окончательного очищения от чувственности, видевшая его в лице гения, на самом деле получила объектом нечто совсем иное. Она оказалась в пленах как раз самого измененного чувственного образа. Такие парадоксальные открытия нестерпимы.

Однако осталась изначальная страсть натуры. Она с той же силой старалась довлечь и примирить. Объект оказался неадекватен, но это не значило, что вообще нет объектов.

Другие мужчины тем не менее исключались. Слишком мало было для этого чувственности. Кроме того, восставала нравственность. И еще не окончательно убитое убеждение в гениальности мужа.

С одной стороны не хотелось менять гения на не-гения. С другой, — искать нового "гения" было хлопотно. Да и смысла нет: ведь в ее сознании уже прочно связались гениальность и нравственное уродство. Она никогда не согласилась бы с тем, что "гений и злодейство — вещи несовместные". Для нее то и другое давно уже стали синонимами. Проблемы здесь не существовало.

Что же оставалось? Оставалось искать компромисса. Он оказался под боком.

4.

Первым условием к этому новому объекту со стороны обожженной чувственностью страсти, испытавшей уже жестокое разочарование, стало требование принципиальной невозможности реализовать его как предмет чувственности. Он должен был навсегда остаться вне чувственности, быть всегда объектом чистого влечения страсти. Страсть всегда влеклась к чему-то необычному, к гениальности. И объектом подобного рода мог явиться лишь сын, единородный сын гения-отца.

Совершенно очевидно, что сын не может быть объектом сексуально-чувственной любви матери в прямом и непосредственном выражении. Но он может быть предметом ее страсти, когда та сознательно хочет лишить себя конкретного чувственного объекта. И тем паче в случае, если этим объектом являлся муж, отец ребенка.

Ребенок, согласно Фрейду, вообще является для женщины образом фаллоса, компенсирующим и удовлетворяющим ее комплекс сексуальной неполноценности в отношении мужчины. В том числе и в особенности любимого мужчины. И ребенок- в этом качестве- может сыграть здесь основную деструктивную роль. Он способствует окончательному угасанию женской любви.

А если мужчина уже не любим, если любовь матери полностью перешла на ребенка, то на долю покинутого остается лишь жестокость опустошенной страсти.. На него вновь обрушивается "любовь" женщины, но это уже негативная "любовь", не знающая границ в своей жестокости и бесчувствии.

Вся позитивная сторона любви-страсти достается сыну. А если он при этом- в глазах матери- еще и сын гения-отца, то неистовая платоническая страсть превращает его самого в гения,

Сын узурпирует, вбирает в себя всю отцовскую гениальность без остатка, превращая тем самым отца в ничтожество. И любовь матери, разлюбившей отца, начинает пестовать в сыне гения. А попутно и ретроспективно - мстить развенченному "гению"-мужу за прошлые унижения и прошлый обман.

Беспределная страсть имеет беспределные же задачи. Она знает либо все, либо ничего. Муж был всем. Но когда произошло развенчание гения и в качестве такового появился новый кумир- сын, то на долю отца осталось совсем немного. От него не отказались окончательно, даже оставили за ним причастность к гениальности. Но бескомпромиссно и навсегда превратили лишь в отца гения - сына. Статус гениальности как таковой бесповоротно перешел к сыну.

Итак, муж был "разоблачен", он не оправдал ожиданий. В нем разочаровались. Он выдавал себя не за того, кто он есть на самом деле. Он выдавал себя за гения, а оказался лишь отцом гениального мальчика. В быту же был лишь дрянцо, довольно никчемный мужчинушка.

Соответственно изменились требования. Ранее на него "богу молились", все прощали- ради будущего, ради его гениальности. Он был "акционерным обществом", в которое вкладывают деньги в ожидании будущих дивидентов. Но когда выяснилось, что банк лопнул, с него потребовали все обратно. И с процентами. И оказалось, что неустойка громадна.

Одним словом, требования были сформулированы однозначно и жестко: "Хватит паразитствовать. Иди и зарабатывай деньги на семью и сына- гениального мальчика, ангельчика, херувимчика. На большее ты не способен. Ты долго водил нас за нос. Мистификовал нас насчет собственной гениальности. Но мы ничего не дождались. Теперь же ты должен от

казаться, как это делали ранее мы в отношении тебя самого. Мы и сейчас не живем для себя. Мы живем для сына. Он действительно гений. Ты должен присоединиться к нам, забыть себя, признать, что ты неудачник. Чуть было окончательно не спившийся. Морально разложившийся субъект, невротик, ... и т.п."

Так или примерно так зазвучал теперь хор голосов в этой семье. Это было в основном двуголосье - жена и усердно подпевающая ей теща. Произошла перемена ролей и декораций. Бывшая жертва и раба превращалась в деспота и господина.

Отныне своей единственной обязанностью по отношению к мужу жена ^и ~~считала~~ заботу о физическом его благосостоянии. Ибо с какой еще стороны может интересовать раб господина, как ни со стороны его физического здоровья. Он должен быть крепким, здоровым, бодрым, - одним словом, предельно работоспособным. Муж-раб, муж-кормилец должен быть здоров и силен, как ломовая лошадь. Его духовное состояние уже никого не волнует. Он курить и пьянствовать бросить должен лишь потому, что это подрывает здоровье, и, в конечном счете, способность зарабатывать. Здесь - полное рабство мужа. Его и не видно из-под злого и беспощадного башмака жены. Но таково возмездие.

Однако такая метаморфоза не спасала от страданий. Напротив, они только усугубились, обострились.

Бывшая верная раба, над которой властвовал бывший господин, возомнивший себя гением, превратившись теперь сама в господина, вдруг обнаружила, что она владеет непослушным и нерадивым рабом. Довольно никчемным к тому же, да и здоровья не богатырского. Но сыну нужен отец в любом случае. Это она чувствует инстинктивно. И посему раб-муж остается нужен господину-жене исключительно в роли отца и кормильца.

ее собственного нового повелителя - сына.

Теща, действуя в том же направлении, естественно, лишь подливала масло в огонь. Она как бы "снижала" конфликт, переводя его из психологии в план мещански-бытовой. Ибо между мужем и женой конфликт имел все же более психологическое, нежели социальное звучание.

О теще надобно сказать несколько слов особо. Это была типичная ханжа и несостоявшаяся барынька. Хотя и не без приятностей. Она терпеть не могла общественные условия, помешавшие ей устроиться по-барски. Или хотя бы, как минимум, нанять прислугу. И в церковь ходила не из веры, а из социального, так сказать, протеста. Она разменяла светское на церковное, считая, что в свете сейчас господствуют исключительно злые силы, одни негодяи и мерзавцы. И если даже она была недалека от правды, то все-таки оказалось, что такой размен она признавала годным лишь для себя. Что касается других - и прежде всего зятя, - то, напротив, их место именно в свете, среди обмана и нечисти. Но не в церкви, среди чистых и честных.

И потому - иди, зятек, в мир. Служи и делай карьеру. Не пей. Приноси деньги. Обеспечивай благополучие семьи. Моей дочери и моего внука. Дочь тебя все равно уже давно не любит. Следовательно, нечего тебя жалеть. А сам ты не намного лучше той среды, куда тебя посыпают. Там преуспевает серость, но ведь и ты - не гений!

Ну, а как же чувствует себя в этой ситуации наш новоявленный гений - очаровательный мальчик, сынишка и внучек действующих персонажей?

О, он чувствует себя превосходно. Ему вообще лучше всех. Он любит свою нежную страстную мать и заботливую бабку. Снисходительно относится к отцу. Чувствует свою безопасность и

не уважает его как мужчину. Ибо не видит в нем соперника за любовь матери. Ведь мать-то любит только его. Кроме того, прекрасно разбирается в той вспомогательной "служебной" роли, которая отведена его отцу в доме, где отец- лишь кормилец.

Надо отдать ему должное: это мальчик благородный. Он не тиранит отца, не вымогает из него невозможного. Не прикрывается безумной любовью матери, не спекулирует на всем этом. Это поистине благородное создание. Весь его "деспотизм" заключается в том, что он дает отцу различные смешные, иногда обидные прозвища. Вот и все.

Во всем остальном это действительно замечательный ребенок. Несколько женственный. Много обещающий в будущем. Если только не развратит его окончательно отсутствие в семье соперника за мать и за любовь ее. И если воспитывается в нем, минуя эдипов комплекс, какими-либо другими путями мужской характер. И нравственное чувство.

Но какими это? Право, не ведаю!

5.

Развенчанному всегда трудно. Развенчанному из гениальности- вдвойне. Это уже трагедия.

Низвергнутый с пьедестала, естественно, не может с этим смириться. И начинаются поиски компенсаций.

Я часто удивлялся, на какие наивные ухищрения способно подавленное и оскорбленное, отчаявшееся чувство. Я заметил, например, что свой портрет, висевший прежде в гостиной, несчастный муж перенес в спальню. И повесил над супружеским ложем. Портрет должен был, видимо, символизировать непререкаемое его господство в супружеской цитадели. И таким наивным и жалким способом он пытался вернуть любовь и напомнить же-

не о своем былом господстве над ней!

Он очень страдал от деспотизма жены. И пытался оправдать жену. Чувствовал, что и окружающие это видят. А заодно и беспрепредельно возвысить себя, идеализируя ее в своих и в глазах окружающих. Здесь он легко терял чувство меры и доходил до полной бессмыслицы. Например, он серьезно заявлял, что если бы Христос надумал жениться /!!!/, то его выбор пал бы на женщину типа его жены. Да, Да! Ни много, ни мало он ровнял себя **козвенно** с Христом.

Случался и прямой протест. Например, бегство из дома. Скандалы и сцены в семье. И прочее. Даже редкие поиски женщин на стороне были подчинены все той же цели. Ему, собственно, не нужны были эти женщины сами по себе; ему вообще не нужны были женщины. Он не был бабником. Ему нужна была только его жена. Но та его не любила, — и он искал ложную компенсацию этой утраченной любви в объятьях других женщин. Он тщетно пытался в этих объятиях утвердить снова свое попранное "Я". Он искал любви.

Аналогично относился к своим немногочисленным друзьям. Основное требование, предъявляемое им к дружескому общению, — непререкаемое признание его гениальности, талантливости, необычности, величия.

Но и этого было мало. Требовались преданность и даже любовь. Он никогда не согласился бы с английской поговоркой, что дружба — это прежде всего общность интересов. Он не признавал здесь равенства. Ибо дружба была для него адекватна любви. И он искал в дружбе компенсацию потерянной любви.

Поэтому, например, он не мог сдружиться с поэтами, художниками. Те тоже требуют, если не поклонения, то признания.

Вот например, был у него друг. По работе. По специальному

ности. По отношению к нему наш К. испытывал комплекс своей профессиональной неполноценности. И с тем большей энергией пытался утвердить свое интеллектуальное превосходство. В конце концов это занятие превратилось для него в настоящую ненависть, в утонченный деспотизм, в изощренное издевательство. Унижал в своем скромном и тихом друге-оппоненте личность, оплевывая его, смешивая с грязью. "О, мой друг- это голубь, истинно добрая душа", - говорил он при этом.

Они вскоре разошлись. Но нашему герою впоследствие всегда не хватало той жесткой игры, которую он вел некогда с этим человеком.

Однако настоящим мучением были его взаимоотношения с сыном. И все из-за противоестественной перемены ролей. Дело в том, что в этой семье случилось так, что отец фактически поменялся ролью с сыном.

В нормальной семье стержневым моментом должна являться, как известно, ревность сына /если в семье есть сын/ к отцу. Соревнование с ним из-за матери. Если мать продолжает любить отца, то это не оставляет сыну никаких шансов. Он не может добиться монополизации материнской любви. Мать все равно раздаивается на женщину-жену и женщину-мать. И сын получает лишь вторую половину. Ту половину, которая принадлежит ему по праву рождения. И на которую не претендует мужчина-отец. Хотя бы потому, что у него есть собственная мать.

Но дети эгоистичны. И сыну мало половины. Он хочет за- получить мать целиком. Возникает глухая борьба, часто с ненавистью, болью, слезами, истерикой. Ибо перед ребенком в этом случае- действительно стена, непроходимая, непробиваемая. Стена эта- его собственный отец. Со всем своим могучим семейным авторитетом, со своей силой. А главное- с любовью

к нему матери-жены.

В этой борьбе и закаляется характер мальчика, вырабатывается нравственное чувство. В этой борьбе он учится преодолевать свою биологическую природу, свои капризы, свое своеволие. Самого себя.

Здесь и происходит становление "супер-Эго" человека, его совести. Он становится мужчиной.

И вдруг все переворачивается. Мужчину-мужа в этом доме уже не любят. Он потерял любовь жены. Сын же получил то, что хотел, — моногамную любовь матери во всем ее объеме.

Мать любит только сына, она уже не раздваивается на жену и мать. Она полностью и безоговорочно только мать.

Отец устраняется со сцены. Он уже не соперник сыну за материнскую любовь.

Не будем повторяться о тех последствиях, которые имеет этот переворот для становления сына, для его характера, для его будущего. Не будем подробно касаться и положения женщины, ставшей исключительно матерью. Она превращается в ходячую страсть без чувства, в камень. Все это более или менее ясно. По крайней мере мать и сын не теряют друг друга. Вернемся однако к отцу и мужу, потерявшем жену, но не обретшем сына.

Если в отношениях с женой он во что бы то ни стало хочет вернуть любовь жены, то по отношению к сыну он должен избавиться от мучительной к нему ревности, мучительной потому, что ревновать-то, "по идее", должен сын, — и восстановить в семье нормальное статус-кво.

Ну, а что, если ревнует отец. И ревнует не кого-либо, а жену и мать. И не к кому-либо, а к сыну. Ревнует собственную жену, мать своего ребенка. К своему же ребенку.

У мальчишки еще есть шанс избавиться от своей ревности

к отцу. Для этого ему самому необходимо просто стать мужчи-
ной, стать вровень с отцом. А что делать отцу- уже давно муж-
чине- если его "соперник"- собственный сын?

Бессознательно он иногда засыпает не на супружеской кро-
вати, где давно уже нет любви, и не в гостиной на нейтраль-
ном диванчике, а именно на кровати сына, в его комнате. Этому
нет никакого "разумного" объяснения. Но в этом есть бессоз-
нательное стремление отца идентифицировать себя с сыном. С
тем сыном, которого безгранично любит мать. Та мать, которая
уже не является женой, ибо не любит своего мужа. Но никакая
идентификация, очевидно, не изменит положения. Сыну грозит
опасность. И опасность исходит от собственного отца.

И К. осознал это. Не раз и не два он, в минуту отчаяния,
говорил мне, что губит сына. Он искал выход. Не хотел его гу-
бить. Он видел в нем своего духовного наследника, хотел спас-
ти его, воспитать человека.

И он нашел выход. Но в его реализации наткнулся на сле-
пую и монолитную моногамность своей жены. И потому, когда не-
счастный муж предложил ей родить второго ребенка, она кате-
горически отказалась.

Он хотел вместо себя дать жене другой чувственный
объект. Размягчить и разрядить, размагнитить ее самодовлею-
щую страсть новым чувством. Для этого ему нужен был вто-
рой ребенок. Теплый комочек родной плоти, который своим по-
явлением может быть и восстановил бы разорванную между мужем
и женой пуповину чувства. И уж наверняка поставил бы преграду
безграничной всепожирающей страсти к первенцу, "раздробил"
бы ее по крайней мере на два объекта. В лице братца или сес-
трицы, которым была бы отдана часть материнской любви, и пер-
венец получил бы свой спасительный шанс. Он получил бы- вме-

сто устраниенного отца - нового соперника, с которым вынужден был бы делить моногамную прежде страсть матери. Вынужден был бы с ним тягаться, вырабатывая собственный характер... Самоограничивая себя, подавляя собственное эго.

Но черствость самозамкнутой страсти разрушает все эти возможности.

И герой наш остается в полном ничтожестве. Он страшно одинок. Им помыкает жена, снисходительствует сын, "поднимает хвост" теща. Они толкают его в службу, в заработки, в общество. Они требуют, чтобы там он подтверждал свою духовную ничтожность. И находят лишние доказательства ее в низком социальном статусе своей жертвы.

Т.Л. 1974г.